

Художник с большими буквами

ВЫСТАВКА Современное искусство

В Третьяковке открылась выставка Эрика Булатова «Живу-Вижу», посвященная семидесятилетию классика неофициального советского искусства. Сам мэтр приехал по такому поводу из Парижа, где он живет уже больше десяти лет. В черном костюме, белой рубашке и с белым букетом в руках он выглядел подобающе торжественным. Но сама выставка, оказалась не монументальной ретроспективой, а кратким дайджестом его творчества. Рассказывает ИРИНА КУЛИК.

По словам организаторов, выставка «Живу-Вижу» носит «эскизный характер». Здесь есть только два живописных произведения Эрика Булатова: недавний авторский повтор классической картины 1970-х «Вход — Входа нет» и полотно начала 1990-х «Русский XX век»: красные римские десятки, перечеркивающие, подобно лучам прожектора в фильмах про войну, небо за покосившейся шатровой колокольней. Основную часть экспозиции составляет графика, по большей части эскизы и разработки к произведениям, оставшимся за пределами ГТГ. Даже те картины, которые Эрик Булатов создал в СССР, оказались за пределами страны еще в 1980-х годах — что же говорить о его произведениях, созданных в эмиграции. Так что одно из самых известных произведений художника, «Слава КПСС» красными буквами на фоне синего неба, представлено только в виде небольшого карандашного рисунка. А не менее знаменитый портрет Брежнева, одно из самых парадоксальных произ-

ведений диссидентского искусства, здесь отсутствует вовсе.

Когда-то Эрика Булатова интересовало, как надпись, обозначающая плоскость картины, на которую натывается взгляд зрителя, или же, напротив, увлекающая его вглубь картины, взаимодействовала с фигуративным изображением. Теперь же, чтобы обозначить иллюзорное пространство картины, ему хватает только условного неба с

облаками, напоминающего заставку Microsoft Windows. Если же за «окном» картины и возникает какой-то вид, то он отсылает к каким-то приблизительно московским реалиям. Не то чтобы художник был так привязан к советскому прошлому. Скорее, эти виды для него просто некая «установка по умолчанию», не отвлекающая от чистоты оптического эксперимента. Только в середине 1990-х годов Эрик Бу-

латов работает с элементами своего парижского опыта. Он рисует, например, толпу в Лувре перед «Джокондой» — первый план монохромно-красный, задний — цветной, или даму с логотипа Galerie Lafayette на фоне реалистической аллеи парижского парка. Но представленный в Третьяковке совсем новый цикл «Вот» состоит почти исключительно из шрифтов — буквы «В», «О» и «Т» создают

иллюзию то выпуклости, то вогнутости поверхности листа.

Как и работы русских конструктивистов, булатовские произведения требуют кинематографического термина «монтаж». Только у Эрика Булатова речь идет о «внутрикадровом» монтаже — это когда меняется только фокус изображения и зрительское внимание переносится с первого плана на то, что творится в глубине кадра. Ху-

дожник работает с этим фокусом зрительского внимания. Смысл работы «Слава КПСС», согласно автору, заключается в том, что, если сфокусировать взгляд не на преграждающий вход в картину красных буквах, а на небе за ними, то можно вырваться из социального пространства в запредельную райскую синеву.

А то, каким образом Эрик Булатов работает с надписями, заставляет вспомнить кинематографические титры. Надпись «Слава КПСС» абсолютно статична, зато «Иду», уходящее в облачную даль, явно отсылает к движению. Так в классическом прологе «Звездных войн» ощущение космического полета создается убегающими в глубину кадра строками текста. На московской выставке есть одна непосредственная отсылка к кино — эскиз к нарисованной в 1995 году картине «Хичкок». Можно предположить, что Хичкок заинтересовал Булатова не только как одно из самых нарицательных киноимен. Великий режиссер некогда начинал свою карьеру как рисовальщик титров и во всех своих фильмах уделял этому элементу картины исключительное внимание.

Титры — это момент входа зрителя в фильм. Эрика Булатова так же интересует этот момент входа. Он исследует «интерфейс» взаимодействия зрителя с картиной. На выставке в Третьяковке замечаешь, что в общем-то неважно, в живописи или в графике выражена та или иная концептуальная разработка художника, — произведения Эрика Булатова обладают некоей вполне компьютерной инструментальной бесплотностью.

Коммерсантъ. — 2003 — 10 окт. — с. 21

Эрик Булатов: у меня диалог не со зрителем, а с картиной

На вернисаже ЭРИК БУЛАТОВ ответил на вопросы „Ъ“.

— Как вам пришло в голову нарисовать портрет Леонида Брежнева в качестве неконформистской, диссидентской картины?

— У меня есть две картины с изображением Брежнева, но они не являются портретами. Например, «Брежнев в Крыму» — это реплика на классический портрет Сталина «Утро нашей Родины». Я взял точно такие же размеры картины, но перевернул композицию. Там все было в будущем, а у меня — все в прошлом. Сам Брежнев для меня — нечто неясное. То ли просто старый человек, то ли какая-то окаменелость, скульптура, то ли призрак. Ему нигде нет места — ни в пейзаже, ни в том пространстве, в котором находимся мы, зрители. Он существует на границе этих двух пространств. В то время, когда я рисовал эту картину, советская система работала сама по себе, по инерции и сменявшие друг друга вожди ничего не значили, это были какие-то надувные фигуры.

— А сегодняшнюю власть можно демистифицировать таким же образом, работая только с композицией картины? Дмитрий Врубель, рисуя портрет Владимира Путина, делает то же, что делали вы, рисуя Брежнева?

— Мы решали проблемы той социальной ситуации, в которой мы тогда существовали. Сегодня художники по идее должны ставить совсем иные проблемы, и я не знаю, нас-

колько они их решают. Всякая рефлексия нуждается в собственной конструкции.

— Еще в начале XX века художники ввели в картину слово. Как вы соотносите себя с этой традицией?

— В живописи русских футуристов слово еще было чем-то промежуточным: уже не элемент натюрморта, но еще и не нечто самостоятельно висящее в пространстве. А вот у конструктивистов слово уже движется,

оно не прикреплено к какой-то детали, оно находится между зрителем и изображением. То, что я делаю, — очень близко. Раньше я использовал слова вроде «Опасно!», «Добро пожаловать», «Слава КПСС». Принципиально чужое слово, существующее помимо меня, во внешнем мире. Сейчас я работаю со словом, которое возникает в моем сознании. Оно еще никак не закреплено во внешнем мире, оно закреплено на плоскости картины. У конструктивистов слово адресовано зрителю. От зрителя всегда что-то требовалось. Автор соотносил себя не со зрителем, но обращался к нему с картины. Мои же тексты обращены внутрь картины. У меня диалог не со зрителем, а с картиной. Я и есть зритель, пытающийся войти в нарисованное пространство.

— Работаете ли вы с французскими словами?

— Практически нет. Я сделал только одну картину со словом «liberte» — «свобода». Для меня интересно и естественно работать с русским словом. Я все же остаюсь русским художником.